

Глава 1182: Путешествие на Континент Священного Света

Чэнь Чаншэн вернулся во Дворец Ли и снова обсудил уход Ван По, после чего Сюй Южун сказала что-то, похожее на слова Юйжэня.

«Смерть за свою страну...»

Ван По уступил свои планы требовать правосудия от Династии Великой Чжоу, уступил в своей мести против Имперского клана Чэнь. Было невероятно сложно сделать это.

Психологически это не отличалось от жертвования собой за страну.

Чэнь Чаншэн соглашался, а затем вспомнил последние слова его старшего брата.

«Уход в идеальный момент - невероятно прекрасная вещь».

Все могли сказать, что эти слова были о Шан Синчжоу.

Чэнь Чаншэн не стал отрицать это, но ему также казалось, что эти слова были направлены на него.

«Возможно... мне придется уйти на некоторое время».

Он заговорил с некоторой нерешительностью.

Сюй Южун спросила: «Причина?»

Было много причин. Была та фраза, а также наблюдение за тем, как его старший брат обучает его младшего брата каллиграфии с такой строгостью, из-за чего он подумал о своем учителе.

Или, возможно, потому, что многие министры и простолюдины восхваляли его старшего брата, говоря, что он с каждым днем становился все больше и больше похож на Императора Тайцзуна.

Но он не мог озвучить ни одну из этих причин, так как все это были предположения без единственной крупницы доказательств. Более того, такие предположения часто были безответственными.

Он не озвучил их, но Сюй Южун знала.

Она сказала: «Возможно, ты думаешь много лишнего».

«Да, - Чэнь Чаншэн посмотрел на нее и искренне сказал, - но прежде, чем Император Тайцзун сделал эти вещи, он необязательно был Императором Тайцзуном, которого мы знаем, а Принцем Ци, которого все восхваляли. Возможно, он только убил своих братьев и пленил своего отца, потому что у него не осталось другого выбора».

Сюй Южун спросила: «И?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Я не хочу стать вторым Императором Тайцзуном, так что... я хочу уйти».

«Если это твоя причина, я не поддержу тебя, потому что это крайне пассивная отговорка».

Сюй Южун заявила: «Жизнь должна быть собранием активных действий».

Чэнь Чаншэн обдумал это и сказал: «Я и сам хочу уйти».

Сюй Южун снова спросила: «Причина?»

Чэнь Чаншэн сказал: «Я хочу знать, откуда я родом».

Он с десяти лет жил под тенью смерти.

В ту ночь, когда Божественная Императрица Тяньхай помогла ему бросить вызов небесам и изменить судьбу, он больше не должен был проводить каждый день, раздумывая о вопросе смерти. У него было право раздумывать над другими вопросами.

Кроме вопросов и жизни три вопроса обладали невероятной важностью в жизни человека.

‘Кто ты?’

‘Откуда ты родом?’

‘Куда ты хочешь пойти?’

Если человек хотел ответить на третий вопрос, сначала было необходимо узнать ответы на первые два.

Война с демонами не полностью завершилась, но его присутствие уже не требовалось.

Шан Синчжоу и Черная Роба сказали, что он был родом с Континента Священного Света, так что он хотел отправиться туда и взглянуть.

«Я принимаю эту причину».

Сюй Южун добавила: «Но не трать на это слишком много времени».

Удивленный Чэнь Чаншэн спросил: «Ты не идешь со мной?»

Сюй Южун серьезно вернула: «Я родилась в столице».

.....

.....

Чэнь Чаншэн вернулся в Деревню Синин. Только сейчас он подумал о последнем разговоре с Южун, а затем вспомнил ее оценку Тангом Тридцать Шесть, которую он сделал много лет назад в Таверне Сливого Сада: женщина, которая лишает других дара речи.

Это осознание немного утешило Чэнь Чаншэна, но он совершенно забыл, что Танг Тридцать Шесть дал такую же оценку и ему.

Внезапный уход Попа не был просто безответственным. Это действительно лишало других дара речи.

Сейчас была поздняя зима, так что деревья, растущие вдоль ручья, были голыми. В воде не было лепестков, а в храме не было книг.

Чэнь Чаншэн провел ночь в старом храме. На утро следующего дня он проснулся в пять утра. Умывшись в ручье, он начал идти к той стороне. Туман становился плотнее и плотнее, пока он шел к той стороне, и туман постепенно стал облаками. В облаках были ручьи, лозы, легко испуганный олень, и неясные фигуры многих загадочных зверей.

Все это было знакомым зрелищем для него, так что он пошел вперед, пока не достиг основания той уединенной горы.

Появился единорог, чье белоснежное тело создавало ощущение божественного создания.

Чэнь Чаншэн спокойно встретил его взгляд.

Он знал, что этот единорог всегда ждал его, ждал его много лет.

«Нет надобности абсолютно быть с каким-то особенным человеком. Будет хорошо быть и в одиночестве».

Чэнь Чаншэн посмотрел на него и покачал головой, говоря с неясной улыбкой: «Иди».

Единорог неохотно ушел, останавливаясь и оглядываясь каждый десяток шагов.

Чэнь Чаншэн спокойно смотрел на него, не оборачиваясь и не уходя. Только когда тот исчез глубоко в плотных облаках, он продолжил свое путешествие.

Одинокая гора была окружена в облаках весь год. Ее поверхность была очень влажной, и была покрыта мхом и речушками.

Но для эксперта Божественного Домена это было легко пройти, как плоскую землю.

.....

.....

Десять дней назад солнце погрузилось в Могилу Облаков, больше никогда не появляясь вновь.

На десятый день Чэнь Чаншэн достиг вершины одинокой горы.

Здесь не было ничего кроме моря облаков. Тут не было никого, так что он почувствовал себя очень одиноко.

Он сел на камень у вершины, вынул фрукт, медленно и усердно съев его.

В ножнах было много вещей, включая еду. Чжичжи лично приготовила большое количество еды, но он ничего не съел из этого, только один фрукт.

Как и то, что он выбрал карабкаться к вершине вместо какого-то другого метода. Возможно, это придавало этому процессу чувство церемонии, которое, как ему казалось, было необходимо.

Съев фрукт, он поднял голову к небу, осознавая, что оно было прямо перед его глазами.

Он вытянул руку и почувствовал его. Ему показалось, что ощущение неба было весьма неплохим. Оно было не таким твердым, как он представлял. Оно было гладким и гибким, как лицо Южун.

Он закрыл глаза.

Три тысячи мечей завывали, покидая ножны. Они летали вокруг моря облаков, переполняясь радостью. Они, вероятно, знали, что вскоре отправятся в другой мир.

.....

.....

Чэнь Чаншэн потянулся к другой стороне неба, падая на землю.

Это было не слишком больно, так как похожая на ковер зеленая трава была очень мягкой.

Это были равнины с окружностью в нескольких сотен метров.

Чэнь Чаншэн повернул голову, видя, как та только что расколовшаяся пространственная хрустальная стена медленно закрывается. Цвет неба становился все более и более неясным, пока не исчез полностью.

Через это он понял, что одинокая гора на Центральном Континенте, взмывающая прямо в небо, в действительности указывала прямо на него на этой стороне.

Оказывается, что эти два континента были не параллельны, а перпендикулярны друг другу.

Центральный Континент был стеной для этого места.

Эти равнины и правда были очень маленькими. Ему потребовалось всего мгновение, чтобы выйти.

За равнинами была пустыня. Белые пески создавали мир белого океана.

Свет девяти солнц был невероятно ослепительным.

Чэнь Чаншэн наугад выбрал направление и начал идти.

Один шаг покрывал несколько ли.

Он быстро встретил местных жителей этого континента.

Их было все больше и больше.

Никто не спрашивал о его происхождении, и определенно не было никого, кто смел преграждать ему путь.

Местные жители смотрели на него с почтением, расступаясь, как волна, раскрывая тот жертвенный алтарь.

Погода действительно была очень горячей. Монах в белом одеянии сидел на жертвенном алтаре, купаясь в солнце.

Много лет назад Чэнь Чаншэн сопровождал душу Божественной Императрицы Тяньхай и встретил его у ручья Деревни Синин.

«Я вот-вот умру, мои ци и кровь истощены, и мне немного холодно», - объяснил монах в белом

одеянии

Чэнь Чаншэн ответил: «Это и правда немного холодное место».

Для монаха было логично сказать, что ему было холодно, но почему он думал, что было холодно?

В конце концов, эти девять солнц в небе были настоящими.

«Ты пришел забрать нас домой?» - спросил монах в белом одеянии.

Услышав это, десятки тысяч людей вокруг жертвенного алтаря поклонились, с плачем моля: «Все мы молим о родном доме».

Чэнь Чаншэн молча смотрел на этих людей.

Монах объяснил: «Твой учитель пообещал мне это. Если ты не согласишься, я буду ждать, пока твой младший брат сделает это».

Чэнь Чаншэн ответил: «Если я смогу вернуться, я серьезно задумаюсь над этим».

Монах понял его, спрашивая: «Ты хочешь увидеть путь, по которому пришел?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Да».

Монах сказал: «Ты должен хорошо осознавать, что это место - не Континент Священного Света».

Чэнь Чаншэн кивнул.

Он уже давным-давно знал, что это место не было Континентом Священного Света.

Если бы Континент Священного Света был так близок, Центральный Континент уже был бы пленен тем Богом.

Это место однажды было главным континентом той цивилизации, а сейчас было Зброшенной Землей.

Пылающий и знойный свет, который, казалось, был полон энергии, был не настоящим Священным Светом, а фальшивым образом.

Континент уже потерял всю свою энергию, его жизненная сила иссякла, постоянно увядая с течением времени.

«Тогда мы отправили три капли крови Имперского Дяди на Континент Священного Света через жертвенный алтарь».

Монах добавил: «А затем был ты».

Имперский Дядя говорил о Чэнь Сюаньбе.

Чэнь Чаншэн молчал некоторое время, а затем спросил: «Могут ли люди Континента Священного Света приходить в это место через жертвенный алтарь?»

«Этот алтарь может передавать только безжизненные объекты».

Монах покачал головой, объявляя: «Кровь Имперского Дяди не была живой, как и Окутывающий Небеса Меч».

Чэнь Чаншэн сказал: «Но я жив?»

Монах в белом одеянии спросил: «Ты до сих пор не понял? Когда ты был прислан, ты был просто фруктом».

Чэнь Чаншэн впал в другой период молчания, после чего спросил: «Тогда как я был рожден?»

Монах ответил: «После десяти месяцев беременности, как и все».

Чэнь Чаншэн понимал. Он спросил с оттенком надежды: «Она еще жива?»

Монах посмотрел на него с жалостью, как и на ту молодую женщину двадцать лет назад.

«Когда ты был рожден, она умерла».

Чэнь Чаншэн затих на очень долгое время. Наконец, он сказал: «Вы все - плохие люди».

Он говорил о монахе в белом одеянии, Черной Робе, и о своем учителе, Шан Синчжоу.

«Континент Священного Света всегда хотел использовать этот жертвенный алтарь, чтобы открыть пространственный путь».

Монах продолжил: «Они почти преуспели десяток лет назад. Они ждали, пока Шан Синчжоу использует тебя, чтобы вызвать божественное правосудие или использовать мою душу, как проводник».

Только сейчас Чэнь Чаншэн понял, почему Божественная Императрица, сражаясь одновременно с тремя Святыми, приоритизировала душу монаха рядом с ручьем Деревни Синин.

Он посмотрел монаху в глаза и сказал: «Если все так, то вы - худший из них всех».

Монах некоторое время молчал, после чего сказал: «Я никогда не был на Континенте Священного Света, но однажды ощущал силу Бога. Это то, чему мы не сможем сопротивляться».

Чэнь Чаншэн ответил: «Даже так, вы не можете стать авангардом врага».

Монах сказал: «Если бы Континент Священного Света не передавал энергию через жертвенный алтарь, этот континент стал бы пустошами много лет назад».

Чэнь Чаншэн вернул: «Если бы не Божественная Императрица, Центральный Континент тоже был бы пустошами».

Монах прокомментировал: «Я всегда чувствовал, что Божественная Императрица Тяньхай не умерла».

Чэнь Чаншэн вспомнил, как Божественная Императрица говорила монаху, что у нее был преемник.

Что Божественная Императрица Тяньхай подразумевала под 'преемником'? Она говорила о Юйжэне, Чэнь Чаншэна, или о Сюй Южун?

.....

.....

Пустыни простирались по Запретной Земле.

На краю пустыни, в десятках тысячах ли от оазиса, где жили местные, был большой океан.

В этом океане не было живых созданий. Это было мертвое море.

Но даже в самых заброшенных мирах были уникальные формы жизни. Можно было сказать, что это уже были не живые создания, а духи мертвых.

Из океана появлялись массивные волны, над ним ревели холодные ветра.

Костяной Дракон Загробного Мира длиной в десяток ли летел сквозь ветер и волны.

Костяной Дракон Загробного Мира не хвастался силой небесам и земле, и не пересказывал свое отчаяние Богу. Его вынуждали.

В глазу Костяного Дракона сидела белочка, маленькая черная точка.

Она бесстрашно смотрела на пенящиеся волны, иногда даже визжа в радости.

Оказывается, что этот Костяной Дракон Загробного Мира был ее игровым партнером.

Черная Коза на берегу тихо смотрела в небо. Ее мысли были непостижимы.

.....

.....

«Я хочу отправиться на Континент Священного Света».

«Я никогда не был на Континенте Священного Света, и никогда не смогу побывать там».

«Как Су Ли попал туда?»

«Если я не ошибаюсь, он, вероятно, пошел через Храм Сангхарама».

Чэнь Чаншэн был ошеломлен этими словами.

Он знал, что Ван Чжицэ и Даосист У были в Храме Сангхарама все это время, вероятно, пытаясь воссоздать те фрески и восстановить родословную Буддизма.

Все считали, что Храм Сангхарама определенно был на какой-то невероятно далекой горе. Никто не ожидал, что Храм Сангхарама был не на Центральном Континенте, а в Запретной Земле.

Войдя в Храм Сангхарама, он увидел, что Даосист У и сейчас красил стены.

А затем он увидел Ван Чжицэ.

У Ван Чжицэ были белые волосы. Он легонько дул в флейту, вероятно, пытаясь вспомнить что-то.

Чэнь Чаншэн не чувствовал к нему жалость, ощущая уважение.

Похоже, что Ван Чжицэ проводил все это время, защищая этот важный путь для человечества.

Конечно же, если Храм Сангхарамы действительно вел на Континент Священного Света.

«Здесь есть раскол в пространстве. Он крайне нестабилен и требует постоянного ремонта».

Ван Чжицэ отложил флейту и сказал: «Мастер У делает именно это».

Даосист У посмотрел на картины на стене и ухмыльнулся: «Интересно, кто это так жестоко избил меня во Дворце Ли? Теперь ты понимаешь, насколько я важен?»

Ван Чжицэ сказал: «У меня нет лишней энергии заботиться о других вопросах».

С того мгновения, как люди узнали, что Ван Чжицэ еще был жив, у них было много дурных мнений о нем.

Не заботиться о мировых делах было безответственностью.

У Чэнь Чаншэна однажды были подобные мысли, но сегодня он узнал, что все это было недопониманием.

Храм Сангхарамы был слишком важен. По сравнению с ним, борьба за власть или битвы жизни или смерти на Центральном Континенте были пустяковыми заботами.

«Так как здесь пространственный раскол, почему Бог не использует его, чтобы открыть пространственный путь?» - спросил Чэнь Чаншэн.

Ван Чжицэ ответил: «Потому что Бог тоже не может гарантировать, что такой пространственный путь будет односторонним».

Чэнь Чаншэн не понимал этих слов.

Ван Чжицэ объяснил: «Ты узнаешь, когда отправишься на ту сторону».

Чэнь Чаншэн спросил: «Был ли Сэр там?»

Ван Чжицэ ответил: «Я еще не готов встретиться с тем индивидом».

Чэнь Чаншэн задумался, спрашивая: «Тогда не безответственно ли для меня и Су Ли делать это?»

Ван Чжицэ ответил: «Любопытство - одна из лучших черт людей. Это стоит риска, даже стоит того, чтобы заплатить все».

Чэнь Чаншэн спросил: «Как мне попасть туда?»

Ван Чжицэ привел его к фрескам.

На стене было изображено много ландшафтов.

Там были высокие шпили, их линии были пронизаны божественной аурой.

Там были пастбища и белые облака, рассеянные хижины, шумные города, освещенные солнцем колизеи, скрывающие свою темную и коварную природу.

Стиль зданий был очень похож на здания в Городе Сюэлао.

На этих фресках также было много разумных созданий, отличных от людей.

Там были создания, которые казались похожи на ремесленников. Они выглядели, как низкокласовые демоны, только они были еще короче. Некоторые из созданий были безукоризненно прекрасными, очень похожими на расу эльфов, которая уединилась на Великом Западном Континенте.

Чэнь Чаншэн становился все более и более замороженным. Наконец, звук колокола пробудил его от ступора.

Он был окружен зеленым пастбищем, а над синим небом дрейфовали белые облака. Из церкви перед ним раздавался звук колокола, а из квадратного здания рядом были слышны крики.

Язык был сильно похож на демонический, так что Чэнь Чаншэн мог понять его. Слова, похоже, были обеспокоены походом в школу.

Он уже прибыл на Континент Священного Света.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/367003>